

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

Экран и сцена - 1992 - 23-30 июля (№ 4) - с. 5

Театральная легенда — блистательный премьер, обращаясь к пришедшему в театр Мейерхольду: «Ну, Мейерхольд, стерилизуй меня...» Постановщик «Лысого брюнета» в Театре Станиславского Олег Бабицкий — не Мейерхольд. Петр Мамонов — исполнитель главной роли и звезда спектакля — премьер. В прошлом — бесподобный шоумен «Звуков Му», в настоящем — лидер группы «Мамонов и Алексей», киноактер и артист театральный. Петр Мамонов «стерилизовал» себя сам.

А БРЮНЕТ-ТО ЛЫСЫЙ!

В 1986 году, сравнивая московскую и ленинградскую рок-школы, я писала: «В Москве рок-структура более жесткая. Она дальше от человечности, ближе агитации. В Москве главное — концепция, идея, под которую создается образ героя... Москвичи представляют своих героев... демонстрируют с большой дозой социальной сатиры слабости людей и пороки общества. Волннее интеллектуально. Эмоционального переживания, сострадания, отождествления — «ноль минус один». Какая колоссальная разница между эпатажем «Зоопарка» — измываться над своей жизнью больно, и внимательный слушатель боль эту чувствует — и эпатажем московской группы «Звуки Му». Вот ее лидер Петр Мамонов отвечает на заданный вопрос: «Герой моих песен это не герой, а антигерой. То есть не ты, не я, то, что мешает нам жить». Ленинградцы поют о человеке, личности, ин-

дивидуальности, москвичи — о типе. У ленинградцев это живое — из плоти и крови, у москвичей — из масок и логических построений».

Московскую модель Петр Мамонов старательно воплотил в «Лысом брюнете». В стерильном, геометрически расчерченном пространстве, оформленном в том же духе, что и предыдущее шоу «Мамонова и Алексея» в Московском театре юного зрителя. Добавлены рисованные листики на полупрозрачном заднике, увесистый деревянный шкаф и шкаф стеклянный, медицинский. (Получается отчего-то не в стиле театральной рецензии, но в манере описи реквизита).

Что за пьесу написал Дани Гинк — не знаю. В программке сказано, что пьеса подверглась серьезной переработке. На сцене вышла история о Лысом (П. Мамонов) и Брюнете (Д. Бургазлиев). Лысый — по идее, несчастный, одинокий, полунинтеллигент-

полудебил, современная ипостась Пьеро (назло врагам одетый П. Каплевичем в черное), занятый размышлениями о смысле жизни. Брюнет — его материализовавшееся alter ego, так сказать, плоть от тени, Арлекин (конечно, в белом) — пошел и преисполнен здравого смысла. Рыжий и белый клоуны. Есть еще женщина (Л. Лукошина), бесплотная иллюстрация невнятного фрейдизма — мать Лысого, его жена, его сестра, мать его ребенка, любовь, смерть. На Колумбину не тянет.

Маски, типы, логические схемы внутри недвижности. Действия внешнего нет, как такового. Вот если взять, к примеру, Бенкетта, посадить двоих под дерево и дать им поболтать, забыв при этом об ожиданиях Годо. А для того, чтобы поболтать, внутри абсурдистской драмы использовать репризный текст. Можно из Хармса — он нынче в чести — не из пьес, а из коротких рассказов. Например, так: «Вы — карлик» (у Хармса «Вы — не принц, вы — свинья»). А все остальное построить на имидже Пети Мамонова времен «Звуков

Му» (кто его тогда не видел — посмотрите спектакль, только садитесь поближе к выходу — надолго не хватит). Раньше считалось, что театр связан с действием (не внешним, так внутренним) и с характерами или уж, во всяком случае, ролями. Теперь научились обходиться без действия вообще, а на место характера помещать имидж. Это привнесло в театр зеленую тоску длинной в два часа (по ощущению — еще больше) и абсолютную статичность. Если закрыть глаза минут на пятнадцать и снова открыть — ничего не изменилось. Стоячая вода, в которой отчего-то колотится Мамонов. Пластика — со времен «Звуков Му» превосходная, — конвульсивная, полимиелитная, марионеточная. Движения расчлененного тела вкуче с мимикой неплохо приспособлены к тексту. Иногда за счет рассогласованности зрительного и текстового рядов возникает легкая комедийный эффект. Таким образом иллюстрируется мысль о разорванности причинно-следственных связей (идея эта имела долгий опыт хождения по кругам рок-культуры и литературного авангарда). На Лысого нагрудно все, что было найдено «темным Му» эпохи рок-сцены. «Урод, — скажет ему Брюнет, — как такому, как ты, жить?» Лысый тут же примет позу «серого го-

лубя» Петра Мамонова: «Я — гадость, я — дрянь. Моя шея тонка. Свернуть эту шею не дрогнет рука — у тебя. Я — серый голубь». Эдакая кургузая ласточка с щипаными крылышками. Или сценка «нукольного театра». Лысый с Брюнетом прячутся за ширмочкой, на которой изображены туловища, — живые головы выглядывают поверх. Прежде Мамонову не нужны были ширмочки: он взгромождался на усилитель, отворачивал и смешно вертел головой и потряхивал разболтанными в суставах конечностями: «Проснулся я утром. Часов в пять. И сразу понял: ты ушла от меня. Ну и что? Опять напьюсь, Шуба-дуба блюз».

Сколько кайфа, драйва и философии было в этом бреду. Какая скука и пустота в прячущихся за матерчатой ширмой и читающих что-то из древних греков нуклообразных человечках. К тому же, каждый эпизод спектакля напоминает о чем-то, что уже видел или слышал. Сам Мамонов в новом качестве меньше всего похож на «страшного паяца», а больше всего — на милейшего И-Ти (Инопланетянина из фильма Спилберга). Фрагмент телевизионной передачи о сохранении картофеля, включенный в спектакль, живо отзовется не только экспериментами «параллельщиков» (фильм «Трактор», например), но и расхожим клише, которым пользуются ныне все, кому только не лень. Какие-то урывочные заходы в комедию дель-арте, цирк, миманс, театры теней и марионеток... Был бы оригинален (не будь использован все в том же шоу «Мамонов и Алексей») прием: занавес падает, все зачарованно ждет антракта (финала), но начинается пятиминутная интермедия, и только вслед за ней наступает долгожданный антракт (финал).

Нет. Ни разу Олег Бабицкий — не Мейерхольд. И никакой это не абсурдизм, постмодернизм, концептуализм, а претенциозное занудство. (Простите). Потому что стерилизация чрезвычайно вредит деторождению и опасна для жизни вообще.

В институте нам гово-

рили, что язык описания должен соответствовать предмету описания. Поэтом вы ждали финала напрасно.

Интермедия № 1. Петр Мамонов — в роли папы. Выдержана в стилистике спектакля «Лысый брюнет», использует основной элемент сценического дизайна: «Папа, папа, бедный папа, он не вылезет из шкапа. Он повешен сам собою между всякой ерундою».

Интермедия № 2. Члены Союза кинематографистов выдвинули артистов — кандидатов на получение «Ники». Один из них — П. Мамонов, второй — И. Смоктуновский. Надеюсь, что театральным критикам хватит ума не производить сравнений такого рода. Иначе «Матрешкин-блюз» зазвучит и в театре. (Для непосвященных: название произведено мною из названия песни Гребенщикова «Мочалкин-блюз» и названия фильма «Такси-блюз» в полном, на мой вкус, соответствии с эстетикой последнего.)

Интермедия № 3. Не имеет никакого отношения к статье. Третьего января порывалась посмотреть следующую премьеру Театра им. Станиславского. Актер не пришел, спектакль «Фортинбрас спит» отменили. Фрейд говорил, что имя оформляет человека. А название, видимо, спектакль. И Фортинбрас-таки спился.

Марина ТИМАШЕВА.

● Лысый — Петр Мамонов.

Мамонов П.

20.7.92